

БИБЛИОТЕКА ПОЖИРАТЕЛЕЙ СТРАХА

ЧАС ОХОТЫ

Эдуард ВЕРКИН

Не смотри, не дыши и не плачь...

Эдуард Веркин

Час охоты

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4519312

Веркин Э. Вендиго, демон леса. Час охоты : Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-59770-3

Аннотация

«Мир гораздо темнее, чем нам кажется, – сказал Куцый мне вслед. – Корабль из когтей и волос уже спущен на черную воду... Теперь я даже не знаю, что тебе посоветовать. Если бы на твоём месте был я, я бы ушел. Потому что вместе с этим существом приходит смерть. Оно убивает всех, до кого сможет дотянуться...

Я не мог уйти. Еще немного посмотрел на Куцего, а потом развернулся и пошагал прочь из леса».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	38
Глава 7	48
Глава 8	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Эдуард Веркин

Час охоты

Глава 1

Выход

– Пошел! – приказал я тогда Айку.

Я еще договаривал это короткое слово, оно еще прыгало у меня на языке, а Айк уже несся вперед. Он двигался так резко, что ноги его сливались в пятно, и издали Айк походил на ожившую кляксу. На злую черную пулю, выпущенную из бесшумного духового ружья.

Я попытался его догнать.

Когда я прошел сорок шагов, он опережал меня уже на три корпуса, Айк, несмотря на внушительные размеры, совсем не был увальнем. Он был сильным и быстрым, гораздо сильнее и быстрее меня. Именно поэтому я и послал его первым.

Мы летели между яблонями, быстро, как только могли. Я даже не успевал дышать, вдыхал через раз. Взрыв-вдох, взрыв-выдох. Думать я тоже не успевал, да поздно уже было думать.

Через пятнадцать секунд выскочили на лужайку. Время замедлилось.

Ли приветливо воскликнула:

– Бакс! Айк! Сюда!

Мы не снизили скорость.

И она все поняла. Сразу, они ведь очень понятливые. Она выдвинулась вперед и присела. Ли испугалась и успела крикнуть:

– Бакс! Айк! Нельзя!

Айк шел первым. Мой расчет оказался точен. Айк обо-
гнал меня на полторы секунды и прыгнул первым. Роза ин-
стинктивно выставила вперед руку. Айк повис на ней и по-
тащил гадину вправо.

Затем прыгнул я, и меня было уже не остановить. Быст-
рым движением глаз я увидел, как в обмороке оседает на тра-
ву Ли.

Потом я врезался в камень.

Глава 2

В клетке

Скоро меня убьют. Скорее всего в конце этой недели. Если повезет, то на следующей. Убьют. Убьют, тут уж ничего не поделать. По-другому они поступить не могут, так уж у них принято. До последней минуты будут играть в гуманизм, тешить свое милосердие, делать вид, что решают.

А потом, конечно, прикончат.

Будут следить, чтобы я хорошо питался и спал положенное количество часов. Чтобы я получал все необходимые витамины, будут, как положено, капать их на корочку хлеба и издали, с опаской, забрасывать в мою клетку. Это чтобы у меня не случилось рахита. Гулять, правда, выпускать не осмелятся, я ведь опасен. Я чертовски опасен, даже несмотря на перелом лопатки. Кстати, они и его залечили. Вставили в кость стальной штырь для крепости. Так что я теперь здоров. Почти здоров – некоторая скованность в движениях все равно наблюдается, и я слегка хромаю. Это от пойнтеров.

Они меня вылечили. Зачем это им надо, не понимаю? Зачем меня лечить? Чтобы отправить на тот свет здоровеньким? Это даже обидно. Кругом полно больных и голодных, а лечат меня. Смертника. Вот так.

Гуманизм, милосердие – прекрасные штуки. На прошлой

неделе приходил психолог с учениками. Светили мне фонариком в зрачки, издали, конечно, тесты какие-то проделывали. Заставляли веревочку в кольцо протаскивать, будто я обезьяна какая безмозглая. Так меня затрепали, что я не выдержал и рыкнул на них. Как следует. В бэддог стиле.

Пробрало.

Разом все отскочили от клетки, побледнели и сразу же давай чиркать в свои блокнотики: «немотивированная агрессия», «психопатические реакции», «крайняя степень опасности», «социопатия»... Правду, короче, писали. Фотографировали тоже, много и с удовольствием. А перед уходом психолог сказал этим своим ученикам, что, мол, несмотря ни на что, несмотря на все, что я натворил, со мной надобно поступить гуманно. Ибо тварь я бессловесная, живая машина, не ведал, что творил, одним словом, старая песня, инстинкты, рефлексы и никакой тебе души.

Ученики согласно закивали головами, умные такие, многие в очках. Тогда я решил немного развлечься – скучно ведь в клетке, – втянул посильнее воздух, как бы определяя, кто из них пахнет лучше, вкуснее и аппетитнее, задержал дыхание – чтобы глаза покраснели.

И облизнулся.

И психолог и его команда рванули так, что создали в двери небольшой затор. А один даже блокнот свой бесценный потерял. Удрали, оставив после себя в воздухе запах больницы. Спирт, лекарства, резиновая обувь. Хоть какое-то разно-

образие. А то тут обычно все смертью пахнет.

Или еще вот приходили. Тоже на прошлой неделе. Две дамочки с фотоаппаратами. Не знаю уж, кто их пустил, обычно ко мне никого не пускают. Нельзя меня беспокоить, а то в ярость впаду. Дамочки угостили меня домашними сырными шариками и печеньем, а потом давай проливать надо мной слезы и причитать. Я не виноват, что я такое несчастное существо, жертва этого жестокого мира, неправильно-го устройства общества. Утешать меня давай, говорили, что уже начат сбор подписей за мое помилование, что меня непременно спасут и отправят на особый остров, где я буду жить счастливо и уже точно никого не прикончу. И фотографировали меня с разных сторон. И так и сяк.

Этих я не стал пугать, таких даже пугать бесполезно. Зоозащитники, хуже них только вегетарианцы, впрочем, первые часто еще и вторые. Взять бы их, и в палеолит на недельку...

Наверное, не подействовало бы, они неисправимы. Интересно, думал я, каким же надо быть полным придурком, чтобы подписаться под прошением о моем помиловании? Я бы сам себя никогда не помиловал.

Если бы, конечно, не знал всей правды. Но правду знаю только я. И еще... И всё.

Сбор подписей. Нет, идиоты. Этот мир катится в пропасть, и толкают его туда идиоты и гуманисты.

Я надеюсь, это будет газ. Мне хочется, чтобы это был газ.

Я слышал по телевизору, что газ – это приятно и безболезненно. Раз, и все – сон в мятных объятиях тишины, покой. Раз – и ты уже на зеленом лугу, в краях, богатых дичью, в месте, где нет никого, кто был бы тебе неприятен. Газ или выстрел из револьвера. Наверное, в ухо, я видел, полицейский застрелил так Айка. И это тоже нормально. Во всяком случае, не больно. Тоже раз – и все.

Но на выстрел мне рассчитывать не приходится – эти умники в белых халатах наверняка собираются изучить мой мозг. Разрезать его, положить в спирт, поставить на полку, а потом показывать всем. Смотрите – это мозг того самого! Да-да, знаменитого... Впрочем, не буду забегать вперед. Лучше скажу, почему я все это тут рассказываю.

А рассказываю я все это потому, что мне совершенно нечего делать. Целыми днями я лежу на полу клетки, смотрю в стену. Иногда смотрю телевизор. Читаю что-нибудь в журналах. Этот тип, что за мной присматривает, ничего, кроме журналов, не читает. Ни разу не видел у него книжки. Его стол расположен достаточно близко от меня, и мне все прекрасно видно, хотя первое время было трудно привыкнуть читать вверх ногами.

Но с этим я справился.

Никто ко мне не приходит. Из тех, кого я бы хотел видеть. И последние дни я проведу в одиночестве.

Па от меня отказался, это показали по телевизору. Его спросили, почему я такой, а он понес что-то об ответствен-

ности и о просчетах в воспитании... А потом докатился до позорного – заявил, что у нашей бабки тоже постоянно случались всевозможные заскоки, но ему про это вовремя не сказали, так что он не виноват. А что касается меня, так я вообще... Племенной брак.

И в конце добавил, что очень сожалеет о случившемся. Что если бы он знал, то утопил бы меня и моего братца в ведре еще в младенчестве. Дальше я не стал даже слушать.

Ма сказала, что ей страшно – столько лет она провела под одной крышей с монстром! Как на пороховой бочке.

Ли ничего не сказала, ее по телевизору не показывали. Это хорошо. Если бы еще и она что-нибудь сказала... Не знаю, как стал бы жить. Повеситься тут нельзя.

Никто не пришел. Никто. Они оставили меня одного.

Так вот, возвращаясь к теме. Скорее всего это будет дротик, они это любят. Так останавливают бешеных собак. Умелец подносит ко рту длинную железную трубку, надувает щеки и плюет. Я видел такое однажды. Они так застрелили бродяжку. Швырк – и красная стрела прямо в холку! Бедняга мучился сорок минут – сердце оказалось слишком сильным, долго гоняло яд. Тогда они просто его додушили. Со мной они поступят так же. Подойти на расстояние шприца они побоятся, значит, остается дротик. Они загонят мне его в шею и уйдут, чтобы не смотреть. У них ведь тонкие гуманистические нервы. Я останусь один с этим дротиком.

Я уже даже привык к одиночеству.

Впрочем, не совсем к одиночеству. Этот тип со мной почти все время. Сидит, смотрит телик. Жует свою чесночную колбасу, этот запах лишает меня сна, но ничего поделать нельзя – он ест ее постоянно, отчего мой мозг просто взрывается! Наверное, он это специально – чтобы я помучился дополнительно.

Смотрит телик, жует, а сам все время на меня поглядывает – а вдруг я просочусь через прутья или каким-то образом отопру электронный замок? И выскочу! И выпрыгну! И понесу клочки по закоулочкам! Ведь в газетах так много написали о моей необычайной хитрости, о моем необычайном интеллекте, о моем змеином коварстве.

Тип сидит тут круглые сутки, уходит совсем редко. Трудоголик. Старается держаться от меня подальше, но иногда любопытство все-таки берет верх, и он подходит ближе. Кстати, еду он мне подает только на лопате. И все время кивает в сторону пожарного щита, где между багром и топором висит короткий черный арбалет с заряженным шприцем. Вроде как если я буду сопротивляться, то он непременно засандалит мне в бок эту штуку. Словно я сам не понимаю.

Иногда он тоже меня фотографирует. Наверное, потом продает фотки своим приятелям. Или в Сеть грузит. Или они грузят. А сегодня притащил какого-то парня, наверное, своего сына – от парня так же пахло чесночной колбасой, семейные запахи – самые сильные.

– Смотри, близко не подходи, – советовал он мальчишке,

хотя тот и так близко не подходил, стоял у самой двери почти.

– А он совсем не страшный, – сказал мальчишка. – Обычный. Я таких сто раз видел... У тети Анны такой же, она с ним в молочную кухню ходит!

– Это он только с виду такой, – заверил страж. – А стоит отвернуться... Однажды мне чуть полруки не оттяпал!

Это он нагло врал. Но я не стал вступать в спор, мне было лень. Даже наоборот, мне вдруг захотелось сделать мальчишке приятное, чтобы он потом рассказывал обо мне своим приятелям, детям и внукам. Я незаметно подобрался и, когда мой сторож достал фотоаппарат, с ревом бросился на решетку. Клетка дрогнула, мальчишка завопил, а его папаша с перепугу сел прямо в ведро уборщика с водой. Смеху-то было.

Как только он выбрался из этого ведра, так сразу выпроводил своего сына и схватился за арбалет.

Теперь от него пахло не только чесночной колбасой, но еще и страхом.

– Прибью тебя, тварь ненормальная! – шипел он. – Скажу, что ты бежать пытался...

Я знал, что он не выстрелит, и был спокоен. Потому что это случится не сейчас, позже. Я знаю это. Я это чувствую.

Это произойдет через неделю.

А мальчишка правильно испугался. Нас надо бояться. И держаться от нас подальше. Мы – не игрушки. Если честно,

то я бы запретил таких, как я, — я опасен, тут страж прав.

— Сволочь... — Страж щурился и думал, чем бы меня уязвить.

Огнетушителем — это очень неприятно. А следов никаких — пеной в морду — так нахлебаешься, что лучше не надо. Но он, конечно, не додумался. Просто постучал по клетке лопатой.

— Я бы тебя уже давно... — прошептал страж. — Жаль, нельзя...

— Не, — возразил я. — Не осмелишься. Кого охранять тогда будешь? Лабрадоров? Болонок чесоточных? Так за них и не платят ничего. Другое дело я.

— Ты мне погавкай!

И опять постучал лопатой, разозлить меня хотел.

Сфотографировать хотел — чтобы пострашней я выглядел. Но я назло сделал сиротскую морду — такого сразу пожалуйть хочется, погладить, дать косточку.

— Погоди-ка, чего придумал...

Страж направился к огнетушителю. Он не так глуп, как кажется на первый взгляд, догадался.

— Я тебя сейчас... — приговаривал он. — Ты у меня сейчас... Будешь знать, как на людей кидаться...

Но до огнетушителя дело не дошло. Явились двое. Серьезные люди, по запаху серьезные — масло, железо, порох. С оружием, значит. В облаках одеколона, у одного «Фаренгейт», у другого «Клипер», «Клипер» — недешевый парфюм, я все-

го два раза встречал, один раз у губернатора – он общался с населением на соседней улице – и я слышал, как от него пахнет старыми парусниками и бочковым виски. С тех пор я знаю, что «Клипер» – это серьезно.

Страж исчез по кивку Фаренгейта.

Приблизились ко мне, смотреть стали. Не боялись ничего.

– А он интересный, – сказал Клипер через пару минут. – Кажется...

– Бродяга? – негромко спросил Фаренгейт.

Клипер пожал плечами.

Мне стало страшно. Впервые за все то время, как я здесь сижу. Потому что эти двое, кажется, *понимали*.

– Может, и бродяга... – улыбнулся Клипер. – Давно не видел...

Я сделал катастрофически глупую морду и выпустил слюну.

Клипер рассмеялся и погрозил мне пальцем.

– Некстати вообще все это... – Фаренгейт почесал подбородок. – Ой, как некстати. Полгода назад длинноствол запретили, теперь, похоже, собак будут запрещать. И это сейчас-то!

– Да уж...

– Ты нам подгадил, дружок! Даже не представляешь как.

Я молчал.

– Мне кажется, что все-таки бродяга – Фаренгейт покачал головой.

Они что, действительно понимают?

Клипер достал из кармана сложенную газету, расправил.

– Вовсю идет обсуждение, – сказал он. – Общественное мнение взбудоражено. Похоже, что закон пройдет. Тогда со всем без защиты останемся. Кто-то тянет и тянет...

Они молчали и морщились.

– А точно кукушка? – спросил Фаренгейт.

– Да, – кивнул Клипер. – Сделали ДНК. Третья за месяц. Бес, найденный в цветах, будь он проклят... Двоих мы перехватили, третьего – он.

Клипер указал на меня.

– Похоже на нашествие, а они всех псов под нож... И эти беснуются...

Он ткнул пальцем в газету.

– Прямо кампания развернулась. «Монстр из пригорода», «Зверь среди нас», «Возвращение Собаки Баскервиллей», «Чудовище из мрака»... Если бы знали...

Клипер покачал головой.

Да уж. Если бы они знали то, что знаю я. Если бы люди знали – они не смогли бы спать. И есть. И вообще, жизнь... Очень бы изменилась.

А Чудовище из мрака – это я, если кто не понял.

Глава 3

Кики пропал

– Бакс!

Открываю глаза.

– Бакс!

Зеваю и потягиваюсь, хрустя суставами.

– Бакс, зараза такая!

Я вскакиваю на ноги. Бакс – это я. Это она меня кличет, Ли. На самом деле ее зовут, конечно, не Ли, а Елизавета, но кто, скажите, будет называть так двенадцатилетнюю девчонку? Правильно, никто. И все зовут ее Лиз. А я еще короче – Ли. Потому что Лиз мне не нравится.

– Бакс! – кричит мне она.

– Ли! – отвечаю я и мчусь через кусты на голос.

Кстати, я тоже не Бакс. Бакс это мое сокращенное имя, домашнее. На самом деле меня зовут Баскервиль Арнольд Парцифаль Пффингствизе Четвертый. Я немного горжусь своим именем – каждая собака бы мечтала прозываться Баскервилем, да еще и с таким привеском, но произносить все это целиком чрезвычайно затруднительно. И долго. Поэтому меня зовут Бакс. Хотя сначала меня звали Баск, но потом это имя как-то незаметно переделалось в Бакс. И всем очень понравилось. И мне тоже. А на день рождения Ли подарила

мне серебряный доллар с дырочкой. Она прицепила доллар к ошейнику, и я так теперь с ним и хожу. И каждому теперь видно, что я – Бакс. А братец мой, соответственно, Арчи-бальд Арнольд Парцифаль Пфингствизе Четвертый, сокращенно Айк. Хотя братец мой в именах не очень разбирается, свое он знает лишь потому, что этим именем его подзывают к миске. Если бы его подзывали именем Осел, он бы тоже не сильно расстраивался. Дремучая личность, слишком туп даже для собаки.

– Бакс! – зовет меня Ли.

Я пролетаю через кусты, замечаю Ли, но остановиться не успеваю. Спотыкаюсь и лечу вверх пузом, дрыгая в воздухе ногами, шлепаюсь на спину.

Это я специально. Ли очень нравится, когда меня вот так заносит, и я переворачиваюсь и шлепаюсь, и земля в разные стороны. Она думает, что я неуклюжий, и жалеет меня. Сама-то она ходит на гимнастику и поэтому очень ловкая. Но я все равно ловчей. Я ведь собака. А любая собака в десять раз ловчее самого ловкого человека. Вот, например. Ли очень любит неожиданно щелкать меня по морде. Не знаю, чего уж интересного в том, чтобы щелкать пальцем по мокрой собачьей нюхалке, но многим людям это очень нравится. Ли тоже. За те доли секунды, что ее рука тянется к моей морде, я могу отпрыгнуть, по крайней мере, пять раз, но, чтобы сделать ей приятное, я сдерживаю рефлексy и дожyдаюсь, когда ее палец коснется кончика моего носа.

– Попался! – радостно кричит она, а я делаю вид, что жутко расстроен своей неловкостью. – Ага!

Я знаю, что случится дальше – она схватит меня за ухо, назовет сундуком и угостит печеньем. А затем снова щелкнет по носу. И я снова не увернусь. Пусть Ли думает, что это она у нас тут самая быстрая. Я и Айку сказал, чтобы он не очень-то выделялся. Он послушал. Он всегда меня слушает, хотя я и младший.

Ну, так вот. Я неуклюже переворачиваюсь в воздухе и падаю на спину. И кувыркаюсь с глупой, как у последнего лаборадора, мордой. Ли смеется.

– Ну, сундук! Ну, ты даешь!

Я поднимаюсь с травы, отряхиваюсь и подбегаю к ней.

Ли треплет меня по голове. Ей можно. А остальным я никому не разрешаю, разве что Ма, она у нас вроде как альфа.

– А где Айк? – спрашивает Ли. – Где он прячется? Наверное, опять у отца заседает? Селедка снова ругаться будет – он ей на диван шерсти напускал. А это, между прочим, исторический диван, на нем однажды сам Мессинг сидел.

Я киваю головой, я сознаю, что диван – вещь историческая, только вот Айку на это глубоко плевать. Ему что Мессинг на диване сидел, что Микки-Маус – все равно. Он знает, что на диване очень удобно лежать. Летом прохладно, зимой тепло. Вот он и лежит. Па работает за компьютером, а Айк лежит и пялится на монитор, делает вид, что читать умеет. А сам даже своего имени не прочтет. Тупица, что уж тут

поделаешь. А Селедка – это наша домработница. Ее зовут Надежда, но это имя ей совершенно не идет. Идет Селедка. Так и зовем.

– Селедка его пылесосом! – смеется Ли. – Всю пыль из него вычешет!

Айк боится пылесоса. Это ужасно смешно. Без двух семидесятикилограммовая зверина, способная перекусить дюймовую алюминиевую трубку, при первых же пылесосных звуках прячется под кресло или в какую другую щель и не появляется, пока уборка не будет окончена. Как щенок. Селедка этим пользуется и братца моего всячески ущемляет. По дому гоняет.

Впрочем, Айк ей мстит. Несет бывало Селедка чай в беседку, а Айк спрячется в кустах. А когда Селедка проходит мимо – как выскочит! И морду еще такую зверскую делает, что кто угодно испугается, не только Селедка. Селедка взвизгнет, поднос у нее на траву, а Айку только того и надо – быстренько все пирожные и сахар соберет, проглотит – и в сад, под деревом дрыхнуть. А Селедка назад в дом идет – за новыми пирожными. А обратно уже с пылесосом – чтобы Айка отпугивать. Такая у них война.

А вообще-то мой братец добрейшее существо. Однажды Ли притащила из школы белую крысу, так этот дурень ее взял да и тяпнул, думал, игрушечная. Крыса, конечно, всмятку, Ли в слезы. А Айк как понял, что натворил – так чуть не рехнулся. Заскулил и под дом забился, еле я его от-

туда выманил. Он потом неделю переживал – ничего не ел, а это для него пытка целая. Вот какой ранимый получился.

А с виду не скажешь.

– Хочешь сказать, что Айк не у отца? – спрашивает Ли.

Я ничего не хочу сказать, делаю никакое лицо.

– Может, он на помойку опять удрал? Так ему за это от мамы ой как влетит!

Я киваю.

– Посмотри-ка, куда он задевался? – просит Ли.

Я поднимаю морду вверх и втягиваю воздух.

Яблоки, яблочная кора, баранина с кухни, бензин из гаража, сигареты – это Ма втайне курит, пыль, в углу сада кроличье семейство, соседи топят углем, одеколон «Уинстон» – это Па, кожа дивана... Ага, так и есть. Братец Айк возлежит, портит мебель. Могу даже сказать, что Айк валяется на спине – шерсть на брюхе пахнет иначе.

– На диване, – говорю я.

– На диване, значит, – понимает Ли. – Гаденыш какой...

Это точно.

Я собираюсь выпустить наполнившие мою голову запахи обратно, в мир, но вдруг там, в мешанине сотен и тысяч оттенков, в тонких линиях грез, в отзвуках чужих мыслей, я ловлю то, что заставляет меня задержать выдох.

Запах. Неуловимый, практически неуловимый, одна молекула на миллион. Знакомый запах. Не хочу его...

...Мухи. Огромные черные мухи...

Я с трудом удерживаю поднимающуюся на загривке шерсть, но тут налетает северный ветерок и смывает наваждение. Я выдыхаю.

– Ну что? – спрашивает Ли. – Его не дозваться?

Я пожимаю плечами.

– Ладно. – Ли улыбается. – Пусть Айчик сам по себе. Печень не получит.

Я радостно облизываюсь.

– А мы что делать будем? – спрашивает Ли. – В догонялки не будем, надоело. В прятки тоже. Может, погуляем? До пристани и обратно?

Я изображаю энтузиазм. Верчу хвостом, пританцовываю.

– Вот и отлично, – говорит Ли. – А то мне одной скучно. Пошли.

Пошли.

Она, как всегда, щелкнула меня по носу, и мы направились к воротам. Ли шагала впереди, а я сзади, как самая настоящая телохранительская собака – прикрывал спину. Возле ворот нас догнал на машине Па, затормозил и опустил стекло.

– Гулять идете? – спросил.

– Ага, – ответила Ли. – К озеру спустимся.

– Понятно... – Па почесал подбородок. – Вы там повнимательнее смотрите, как пойдете.

– А что?

– Кики потерялся, – сказал Па. – Вчера с утра куда-то

ушел – и все, больше нет. Мать вся расстроена. Плачет.

– Может, погулять отправился, – предположила Ли.

– Он раньше никогда на ночь не задерживался.

– А может, он на чердак залез? – еще предположила Ли.

– Чердак я еще тем летом забил, забыли, что ли?

– Он все-таки кот...

Па покачал головой, открыл ворота и поехал в город.

Из окошка задней двери высунулась счастливая морда Айка. Гордый тем, что его везут на машине, Аик показал мне язык.

– Кики пропал, – задумчиво сказала Ли.

Так все это и началось.

Глава 4

Затишье

Да, кстати, сразу хочу сказать – я тогда был не один. Мне помогал Айк, братец мой ненаглядный. Я завидую ему, он сейчас уже всё, отбегался, могу поспорить. Я слышал, как хрустнул позвоночник, после такого хруста во фрисби не играют. Мне немного его жаль. И немного стыдно. Это ведь я подставил его, я. А по-другому было нельзя, по-другому я бы не справился. И выбора у меня не оставалось – или Айк, или Ли. Да я и не выбирал. Но я думаю, Айк на меня не обижается. Он смотрит на меня с богатых дичью лугов и не обижается. Он выполнил свой долг, оправдал свое предназначение и существование, по-другому он поступить просто не мог. Он сделал лучшую для любого пса карьеру – пал в бою, защищая свою семью. Слава тебе, мой скудоумный братец, мне тебя не хватает.

Забавно, сегодня прочитал в газете интервью Селедки. Читать вверх ногами все-таки тяжело, голова кружится. Так вот. Селедка там на целую полосу разразилась рассказом о том, как она спасла Ли, «этого несчастного ребенка», от «кровожадного чудовища», то есть от меня. Как она героически выскочила из дома, как, орудуя граблями, отогнала меня прочь и грудью защитила Ли. Как вызвала полицию... Ну, и

так далее. Кажется, ей собираются вручить орден за личное мужество. И в журнал поместят, на обложку, с граблями.

Хотя на самом деле все было не так. Едва Селедка выка- тилась на полянку, как сразу же завопила, как сирена на па- роме. И вопила, наверное, целую минуту, и только потом уже героически спряталась в будке для садовых инструментов. Я, когда уходил, ее слышал. Из будки разило страхом.

Ладно с ней, с Селедкой. На нее я не в обиде. Сейчас в ме- ня только ленивый не плюет. Вчера по телевизору была пе- редача, в основу которой лег «Пригородный инцидент». То есть моя история. Вернее, ее финал. Кажется, каша завари- вается нешуточная. По всей стране заваривается. За послед- ние две недели активные группы граждан бессудно распра- вились с двенадцатью ротвейлерами и семью доберманами. Под горячую руку попал даже один черный русский фокс, зверюшка уж вполне безобидная. Хозяева боятся выгуливать своих собак, а некоторые просто выгоняют их на улицы. Где полиция их успешно отстреливает. И действительно, Клипер – Фаренгейт был прав – через парламент собираются прове- сти закон, запрещающий домашнее содержание служебных собак, собак бойцовых пород и собак, чей рост превышает сорок сантиметров в холке. Все те, кто попадает под этот за- кон, должны быть уничтожены. Пусть меня они простят, мои братья, по-другому я поступить не мог.

Клипер, кстати, еще раз приходил, вчера. В этот раз один. Молчал, смотрел на меня не мигая. Я был в дурном распо-

ложении духа и тоже стал смотреть на него не мигая, и я пересмотрел. Он покачал головой и удалился, а «Клипер» висел еще до вечера, и только потом окончательно перебился чесноком.

А сегодня никого, только Чеснок.

Я поднимаюсь с подстилки. Мне не очень нравится эта подстилка, дома у меня была лучше. Мягкая, набитая вкусно пахнущей кокосовой стружкой. А братец Айк инфантильно спал в большой плетеной корзинке и от этого был похож на кошку.

Я поднимаюсь с подстилки и делаю три шага вперед, затем три шага назад. Если сделать четыре шага – упрусья носом в решетку, а это нам ни к чему. Потому что когда я упираюсь в решетку, Чеснок нервничает. Он откладывает газету, озирается и осторожно перемещается к двери. Вообще, я стал замечать, что сторож мне начинает постепенно нравиться. Может быть, это оттого, что я почти никого не вижу, кроме этого сторожа. Мы целыми днями сидим вдвоем в этой небольшой комнатке, где из мебели диван, ветеринарный стол и стулья. И холодильник, старый, в облезлых пятнах.

После того раза, ну, когда я напугал его и его сынишку, сторож дулся на меня дня два. И молчал. Потом оттаял и снова стал со мной разговаривать. Разговаривает он со мной, кстати, очень необычно – он меня ругает.

– Что, – говорит он, – черная свинья, скоро тебя шлепнут!

Пух – и все.

Сторожа я понимаю. Работа у него нервная и опасная.

– Всех вас скоро перебьют, – обещает он. – Под корень изведут. И по лесам тоже пройдутся, а то куда ни сунься – везде бешеные лисы...

Тут я с ним, кстати, согласен. Всех этих медведей-волков-барсуков и прочее нецивилизованное зверье давно пора окоротить. А то развелось их стараньями зеленых, шагу сделать некуда.

Скучно. Хоть бы Клипер еще, что ли, пришел?

Скучно. Затишье.

Глава 5

Ненавижу кошек

Вы любите кошек? Если вы любите кошек, значит, я не из вашей компании. Я кошек не люблю. Я их просто ненавижу. Видимо, это наследственное или там генетическое. Когда я вижу кошку, во мне просто все переворачивается. Приходится себя все время контролировать. Потому что в наше время принято с кошками дружить. И если ты вдруг рывкнешь на какого-нибудь котеночка, тебя сразу же одернут и скажут, что так поступать нехорошо. Что ты плохая собака. Но это в глубинке. Если подобный инцидент произойдет с тобой в столице, то тебя сразу же отправят на прием к специальному ветеринарному психологу, а он уж промоет твои несчастные мозги как следует. И в итоге ты не то что тявкнуть на кошку не осмелишься, ты смотреть на нее без содрогания не сможешь. Будешь каждый раз вздрагивать при одном только кошачьем виде, в обморок падать.

Я не люблю кошек. И с кошки, в общем-то, все это и началось.

С Кики. С этой мерзкой блохастой твари, которую почему-то так любила Ма. Сначала я даже обрадовался, что он пропал. Этот жирный котяра нам всем давно уже надоел. В смысле нам с Айком. Я бы даже отступился от своих принци-

пов и придушил бы его потихонечку, но было жалко Ма, она его отчего-то жаловала, и это несмотря на то, что Кики обладал целым набором на редкость отвратительных качеств. Более противного существа я не встречал в своей жизни и думаю, что больше и не встречу. Кики был неприятен внешне, и его внутренний мир вполне соответствовал его экстерьеру.

Кики был огромен. Это был исполин среди котов, я думаю, он весил никак не меньше двадцати килограммов, вероятно, в его роду присутствовали злобные камышовые крысодавы, или секретные кошки сибирских шаманов, или и то и другое вместе. Масса. Причем это был не только чистый жир, но еще и весьма злобные мускулы – Кики с легкостью сиамца взбирался в случае опасности на любой столб, что свидетельствовало о его хорошей физической подготовке.

Такую значительную массу Кики приобрел благодаря страсти к одному пикантному блюду. С утра Ма готовила Кики еду – открывала две банки тунца, запускала их в блендер, добавляла туда пяток бананов и взбивала до получения однородной серой массы. После чего Ма вываливала все это в небольшой тазик и звала Кики. Кики появлялся и сжирал бадью за минуту. После чего отправлялся спать на шкаф, чтобы мы с Айком не могли его достать. Кстати, на этот шкаф тоже опирался сам Мессинг. Но Селедка за это неуважение к шкафу Кики не гоняла, видимо, она ощущала с ним тайную духовную близость.

Кики процветал. Мне все время казалось, что Кики вот-вот должен окочуриться от ожирения сердца, но Кики жил, на радость Ма и на скорбь нам с Айком, и становился все матерее и матерее.

Кики был вреден. Настоящий монстр, разрушитель и враг всего живого, Кики с упорством терминатора уничтожал в округе всякую мелкую живность. Мышей, кротов, воробьев, ласточек, навозных жуков, летучих мышей, морских свинок, других кошек, попугаев, список его жертв можно продолжать бесконечно. Однажды я видел, как Кики, укрывшись в засаде, охотился даже на бабочек – созданий безвредных и прекрасных. Причем свою добычу Кики не поедал, а закапывал в дальнем углу сада, отчего у него там образовалось целое маленькое кладбище, этакий смрадный уголок, милый сердцу.

Пытался Кики одержать триумф и над нашим собачьим племенем. Он брал, к примеру, добытую в зоомагазине морскую свинку, душил ее и выкладывал на дорогу. Через минуту появлялся соседский абрикосовый пудель и принимался со свинкой играть. И тут из кустов прыдал Кики. Глупый пудель с визгом несся прочь, и только чудо порой спасало этого розового доходягу от позорной смерти. Представляю, с каким триумфом поместил бы Кики трупик несчастного пуделька на свое кладбище! Еще бы – он одолел собаку!

Мы с Айком пытались его отучить от этих манер, но неудачно. Нам удалось спасти лишь семейство кроликов,

обитавших в южном углу сада, да и то случайно. Как-то в пятницу Айк отправился посмотреть на кроликов и их детенышей и застал там бесчинствующего Кики. Кики увлеченно, с омерзительным громким урчанием раскапывал нору и не заметил, как сзади подкрался Айк. Почувял опасность Кики в последний момент – он рванулся прочь, и в зубах Айка остался лишь самый кончик его хвоста. С тех пор Кики к кроликам не лез.

Впрочем, вредил Кики не только маленьким и беззащитным, он вредил всем, кому в силах был навредить. Кики прятался на яблоне, под которой любил отдыхать Айк. Айк приходил, ложился спать – и тут на него с мявом обрушивался этот блохастер! Удовольствие, прямо скажем, небольшое, можно разрыв сердца поймать.

Или еще. Братец Айк не всегда все сразу съедал из своей миски, оставлял. Барская привычка, но что поделаешь – все-таки Айк был аристократом. Коварный же Кики никогда не упускал случая в эту миску нагадить, делая еду непригодной к потреблению.

Но больше всего пострадал от Кики, конечно, Па.

Однажды Па шел по коридору, а Кики шел навстречу. Конечно же, Кики и не думал уступать Па дорогу. И совершенно заслуженно получил ногой под брюхо. С тех пор Кики затаил на Па обиду и вынашивал планы мести, ждал подходящего случая. И случай скоро представился. На сорокалетие сотрудники фирмы, где Па состоял начальником, скинулись

и купили боссу дорогие швейцарские часы. Па их очень любил и всегда носил. Как-то раз после работы он совершенно случайно положил хронометр не в комод, а в хрустальную конфетницу. И вышел. В окно тут же проник Кики, он залез в конфетницу, помочился в нее и утопил часы Па.

Тогда Па хотел застрелить Кики из пистолета и уже загнал его в уборную, но мать Кики отбила. И нам запретила Кики наказывать. С тех пор Кики совсем распустился и бесчинствовал уже совершенно безнаказанно.

И теперь он пропал.

Мне бы радоваться, но радоваться с чистым сердцем я не мог – Ма очень расстраивалась, а я не люблю, когда кто-то расстраивается. И я решил найти для нее это недоразумение.

Что оказалось несложно – я очень быстро ухватил след Кики в саду, след привел меня к забору, видимо, здесь Кики взгромоздился на изгородь, чтобы перевалиться на улицу.

Итак. Я отправился на поиски Кики и тоже вышел на улицу, быстро отыскал след пропавшего кошки и отправился по нему. Сначала Кики брел вдоль дороги. Вероятно, он пребывал в хорошем настроении – очень скоро я обнаружил задавленную им лягушку, а потом и еще две. После лягушачьей расправы Кики перебрался на другую сторону улицы, добрался до перекрестка, немножко подумал и пошлепал вверх по холму.

Раньше на холме стояла крепость, монастырь, века то ли шестнадцатого, то ли еще раньше. Но после какой-то там фе-

одальной войны замок срыли, а потом ничего уже и строить не стали, и верхушка холма заросла лесом, который все почему-то называли парком. На самом деле это настоящий лес, правда, не очень густой. Лес как шапка. Наверху лес, а под ним город, бухта, железная дорога. Лет двадцать назад собирались лес вырубить и понастроить коттеджей, но народ воспротивился и лес отстоял, и даже немного его обиходил – проложили тропки и аллеи, впрочем, потом все снова заросло. А Кики зачем-то направился в лес. Что было очень странно.

Я сам не очень люблю этот лес. Кусок древней тоски в самом сердце цивилизации, ну его... Ладно, посмотрим.

Сойдя с дороги, я направился вверх по холму. Кики шел извилисто, шастал туда-сюда, как сумасшедшая куница. Сначала я думал, что Кики просто рехнулся. Отравился лягушками, кто его знает, может, он там пару штук из жадности слопал... Но потом я догадался.

Кики убежал.

Запутывал следы. Кто шел за ним? Я остановился и послушал, и не услышал кто, и это мне совершенно не понравилось. День перестал быть солнечным и беззаботным. И я перестал быть беззаботным, я пощупал воздух плотнее и двинулся дальше. Обогнул остатки древней монастырской стены и углубился в заросшую липовую аллею. В аллее Кики заметался еще сильнее. Отчаянно заметался.

Я шагал медленно. Чувства мои были напряжены, хотя

никакой конкретной опасности я не чувствовал.

Аллея заканчивалась трехсотлетней развилистой липой. Там, возле толстой черной липы, я услышал во второй раз. Вернее, в третий. Там, возле этой черной липы, преследователь догнал Кики. И оставил на прошлогодних сгнивших листьях свой запах.

Я слышал его, этот запах, слышал и раньше. Это было давно, но я запомнил. Я был тогда совсем маленьким, но запомнил.

В наш город приехал бродячий зверинец. И Ли сразу же решила в него сходить. Па говорил ей, что навряд ли ей это понравится, но Ли была упряма, как все в нашем роду, и мы отправились смотреть на зверей. Ли очень хотела увидеть зебру. И мы пошли.

Сначала меня даже не хотели пускать, говорили, что при виде меня звери будут нервничать, но Ли сказала им всем, что я спокойный и ни с кем ругаться не буду. Тогда меня пустили.

Мы пошагали вдоль клеток.

В первой клетке сидел волк. Я испугался, что волк кинется на меня, но волк остался равнодушен. Ли сказала, что он совсем как собачка и не страшный, но я-то видел, что это не так – в глазах у волка жила ненависть, волк был опасен, волк ждал. И в случае чего волк не упустил бы своего шанса.

Дальше мы встретили дикого кабана, и он тоже был опасен, в его горбу сидели три старых затянутых салом пули,

кабан был опасен. Встретили оленя со спиленными рогами и северного оленя, который от теплого климата полинял и сделался похож на неопрятную овчарку-переростка.

Хуже всех выглядел крокодил. Он лежал в полуденной коме, судя по запаху, обожравшись тухлой конины, и оставлял совершенно скотское впечатление. Я понял, что крокодил – это абсолютно безмозглое существо. Многие жалеют крокодилов, говорят, что нехорошо шить из крокодилов сумочки и сапоги. А я считаю, что ничего страшного тут нет, крокодил ничем не отличается от дерева, а если и отличается, то только в худшую сторону. Дерево на тебя никогда не накинется, а с крокодилом только отвернись. Если можно рубить из дерева дрова и делать мебель, то вполне можно шить сумки из крокодилов.

Зебра совсем не впечатлила Ли. Ли сказала, что зебра похожа на обычную полосатую лошадь.

После зебры была енотовидная собака и лев. Собака не стала на нас смотреть, а лев посмотрел. Это был совсем маленький и усталый лев, я представлял львов совсем иначе. Потом я понял, почему лев такой – я заметил на полу клетки крошки и почувствовал запах хлеба. Льва кормили булками, и поэтому он был такой худой. Одни глаза и грива. Глаза большие.

Еще страус, анаконда в каком-то искусственном болотце, павиан, он мне не понравился больше всего, зубр с зубренком. Мы шагали вдоль всех этих животных, и мне было их

жалко.

А в самом конце зверинца я услышал запах. Он исходил из последней клетки. Я не хотел туда идти, но Ли запаха не чувствовала и очень хотела посмотреть на зверя.

Это была пантера. Она была больна. Мне кажется, это был какой-то рак – в боку у нее совсем не росло шерсти, торчало наружу голое мясо, а по нему ползали жирные черные мухи. Пантера их не замечала. Я не стал на это смотреть, а Па спросил, почему администрация не принимает никаких мер. Служитель сказал, что она никого к себе не подпускает, а дать ей снотворное нельзя – сердце может не выдержать. Вот так. Па стал возмущаться и говорить, что будет жаловаться в Департамент, что так обращаться с животными нельзя, что не пройдет и двух дней, как их зверинец будет закрыт... Служитель молчал.

После этого мы сразу же отправились домой. Настроение у всех было плохое, и мы всю дорогу молчали. А потом по радио передали, что пантера убежала.

Организовалась облава. Десять мужчин с ружьями и собаками заглянули к нам в дом и забрали нас с Айком, хотя Па и не хотел нас отпускать. Мы были молодыми, глупыми, но сильными. Им нужна была сила, им надо было послать кого-нибудь вперед.

Мы метались по городку. Впереди сеттер и две борзых. Они вели нас. Люди бежали за ними, а мы, как ударная сила, пока сзади. Сеттер повел вверх.

Почти у верхушки холма сеттер дал стойку. Трясся, но тянул лапу, поджимал хвост, психовал. Еще бы, это тебе не уток на болотах тиранить. Кто-то отщелкнул с наших ошейников карабины.

– Айк, Бакс! Вперед! – приказал кто-то. – Взять ее!

Мы были молоды и глупы, мы сорвались и понеслись по запаху. Мы хотели отличиться, мы хотели показать, что можем. Мы нашли ее в канаве у большого камня.

Пантера уже умирала. Она лежала и смотрела на нас. Половину ее правого бока занимала гнилая рана. Желтые черви. Мухи. Мертвечина. Беснадега.

Айк чихнул и поморщился. Он посмотрел на меня, спрашивая, что ему делать.

– Стой пока, – велел я.

– Запах, – пожаловался обычно неразговорчивый Айк. – Больно. Больно-больно-больно.

– Слышу.

Этим кошмарным запахом было пропитано все вокруг. И я, тогда еще совсем молодой, понял, что это пахнет не пантера. Пантера пахла по-другому – обычная сухая шерсть. Этот запах был сильнее. Он перебивал запах зверя.

И я понял, что это был за запах. Я слышал, как где-то лает глупый коричневый сеттер, и смотрел в глаза пантеры. Она была не такая, как все остальные. Она была такая, как я. Это я понял сразу. Она сказала что-то, но я ее не расслышал. Айк дыбил шерсть и рычал.

– Ты что, не видишь? – спросил я у него.

Но Айк не видел, Айк боялся. И я боялся. Но не пантеру, а то, что готово было выйти из нее.

Смерти.

– Не бойся, – сказал я пантере, а может, сам себе. – Поля, богатые дичью...

Над моей головой бумкнул выстрел. Пантера дернулась и перевернулась на спину. Я посмотрел на стрелявшего – служитель из зверинца. Он пристрелил пантеру, нет пантеры – нет проблем.

Запах разросся и затопил всю канаву, я не вытерпел и убежал.

Теперь я слышал этот запах снова.

Глава 6

Дурные предчувствия

Вы верите в предчувствия? Я верю. Стоя тогда на вершине холма, я знал, что эта история закончится плохо. Во всяком случае, для меня. Что будто бы с горы сорвался огромный камень и покатился вниз, и рано или поздно этот камень меня раздавит, что бы я ни делал. Куда бы я ни убежал, где бы ни спасался.

Чеснок читал очередную дрянную газетенку, опять на желтой бумаге, с большими фотографиями. Большими буквами заголовок «Зверь». На фотографии внизу я. Опять. Видимо, это был тот момент, когда меня взяли. Лицо у меня перекошено от боли и ярости. Выгляжу действительно страшно. И почти вся газета про меня. В основном, конечно, про то, что случилось. Я прочитал. Правда, запомнил только передовицу.

Она была написана скверным газетным языком, сразу видно, что автор привык сочинять не статьи, а рекламную чушь для городского электрического завода.

«Даже издававшие виды полицейские были удивлены жуткой сценой, разыгравшейся в одном из коттеджей городского пригорода. Около часа дня на пульт дежурного поступил вызов. Соседи слышали из-за изгороди страшные крики и

вызвали полицейских.

Прибывший патруль был парализован ужасом. Место преступления напоминало декорацию к фильму ужасов. К сожалению, в интересах следствия мы не можем раскрывать все детали. Да, честно говоря, и не хотим. Подробности совершившегося преступления настолько ужасны, что могут повергнуть в состояние шока даже самого черствого читателя. Достаточно сказать, что один из прибывших на место преступления полицейских помещен в специальную клинику с нервным срывом.

Первой же мыслью прибывшего на место происшествия патруля была мысль о сумасшедшем. Всем известно, что в последние недели в нашем городе пропало несколько человек. Высказывались мнения, что эти исчезновения – дело рук психопата. Однако после первых же следственных действий, после осмотра места происшествия стало ясно, что это чудовищное злодеяние совершил не человек. Причем это не фигуральное выражение...»

Дальше рассказывалось, как наша доблестная полиция быстро прореагировала на совершившееся злодеяние, как она взяла след, как меня быстро нашли. Как я оказал сопротивление, но был обезврежен.

Сторож перечитал эту газету несколько раз. И зачем-то повесил ее на стене напротив моей клетки. Видимо, для того, чтобы я испытывал угрызения совести и как следует мучился.

Но я не мучаюсь. Теперь, сидя в клетке, я много думаю. О выборе. Что выбор есть почти всегда. Всегда можно уйти, а можно остаться. Можно шагнуть вперед, а можно назад. Я все-таки шагнул вперед. Это было тяжело. Это, наверное, всегда тяжело. Тогда я стоял на самой верхушке холма и думал приблизительно об этом же.

Я стоял почти на самом верху. Мне хотелось снова убежать и, как тогда, четыре года назад, спрятаться под домом. Но я не убежал. Я был большим, умным и сильным, я понимал, что страх – он в голове, а значит, с ним можно справиться. Поэтому я отправился дальше.

Через сорок шагов я вышел на макушку холма.

Справа сквозь листья блестело озеро. Мне даже почудилось, что я слышу запах жареной рыбы с набережной, но это, конечно же, был фантом. Я бы с удовольствием посидел тут, полюбовался бы тишиной, послушал бы море и чаек, но мне надо было все узнать.

Скоро я обнаружил и другие следы. На земле и на стволах некоторых лип висели клоки кошачьей шерсти. Кики волокли. Запах усиливался.

Вдруг более-менее проходимый лес кончился, и начались густые кусты, настоящие джунгли. Пробираясь сквозь них было тяжело и неприятно. Все кусты были перепачканы шерстью Кики...

Я увидел полянку. Небольшая, шагов двадцать в диаметре. На полянке рос тополь. Высоченный, как все дикие то-

поля. Кики...

Сначала я подумал, что это чучело. Кики здорово уменьшился в размерах, похудел, иссох. Дохлый. Бесповоротно, даже издали видно.

Я огляделся и послушал окрестности. Все было тихо. Тогда я подошел поближе и рассмотрел все это подробнее.

Дохлый как будто уже давно, Кики походил на прошлогоднюю кошку, сбитую в жару машиной и присохшую к асфальту. Но это был, без сомнения, он, я ни с чем не мог спутать эту наглую вонь. Еще под деревом лежали несколько птиц. Птицы были тоже мертвые, ощипанные, перья странными грязными кучками лежали рядом.

Меня затошнило. Я отвернулся. Подождал, пока желудок успокоится и встанет на место.

Потом осмотрел все это еще раз. Я еще надеялся, что Кики поймали местные хулиганы, или бродяги, или просто какие-то подонки, но следов людей здесь не было. Кики поймало и убило то, что издавало вот этот запах. Тогда я еще не знал, как это все объяснить. Поэтому я просто развернулся и побежал к дому.

Я бежал быстро, с выкладкой, стараясь выкинуть из себя мысли и воспоминания, стараясь избавиться... Но мысли все равно не выкидывались. Теперь я знал, что в нашем городке появилось нечто, чего раньше здесь никогда не было. И что это нечто опасно. И что я постараюсь оградить своих от него.

Дома продолжались поиски Кики. Вернее, Кики искала

одна Ли. Она ходила по саду, зачем-то с фонариком, и периодически звала: «Кики, Кики, Кики-Кики». Но Кики не отзывался, не мог отозваться.

– Бакс, ты нашел Кики? – спросила она.

Я покачал головой.

– Куда запропастился этот кошак? Найду – шкуру спущу. И тапочки из нее сделаю с бубончиками. Ма весь день сама не своя...

Я подумал, что вряд ли теперь шкура Кики пригодна для изготовления тапочек, шапок или даже рукавиц. Пожалуй, при определенной фантазии из него можно будет приготовить несколько мушек для рыбной ловли, но не больше.

– Ты не хочешь его еще поискать? – спросила Ли.

Искать снова Кики мне не хотелось.

– Какой ты вредный сегодня. Из-за жары, что ли? Не помню, чтобы весной было так жарко. И ни одного дождя... Просто конец света какой-то, – сказала Ли и, как всегда, хлопнула меня по носу.

А я, как всегда, не увернулся.

– Иди тогда куда-нибудь, а я тут еще поброжу.

Ли снова отправилась в яблони. А я отправился к веранде, где отдыхали за вечерним чаем Ма, Па и Айк. Па дымил трубкой, Ма наслаждалась пассивным курением, Айку было все равно, хотя я думаю, что если бы ему предложили подышать, он не стал бы отказываться. Я поднялся на веранду и устроился рядом с Айком.

– Бакс явился, – сказала Ма. – Целый день где-то болтался, а теперь вот явился.

– Весь в репьях, заметь. – Па выпустил дым. – Приличные собаки в такой зной дома сидят.

– Вот тебя Флоуренс-то пылесосом! – погрозила мне Ма. – Совсем от рук отбился, все где-то бродит...

При слове «пылесос» Айк недовольно заворчал.

– Он пылесоса не боится, – сказал Па. – Это Айк пылесоса боится... Ладно, впрочем... О чем это мы там говорили?

– О Розе.

– Ага. – Па выбил трубку. – О Розе, значит. История получилась нехорошая, должен тебе сказать, печальная история. Бедная девочка так намучилась...

– А она кто вообще? – спросила Ма.

– Племянница Клары. Помнишь Клару? Ну, ту, которая смеялась всегда, а в зубе бриллиант? Я вас не хотел расстраивать, не говорил. Клара в прошлом году... Ну, в общем, она... умерла. Что-то с кровью случилось, сгорела за два месяца. И все это на глазах у Розы.

– Ужасно как, – сказала Ма. – Бедная девочка. Она, получается, твоя... Двоюродная племянница?

– Да, получается так. Троюродная. Я, правда, не знал про нее ничего... Но ты представь – какой шок для ребенка? После смерти Клары ее передали на попечение ближайшим родственникам, ну, Нику то есть. И Полине.

– Ты мне ничего не рассказываешь, – рассердилась Ма. –

Я ничего не знаю...

Па помолчал, выпуская дым.

– Не хочу рассказывать, – отец поморщился. – Ника с Поли мы ведь хорошо знаем.

– Что с ними?! – испугалась Ма.

– С ними ничего. А вот...

– Что-то с близнецами? – вот тут Ма уже по-настоящему испугалась, я услышал по голосу.

– Ну... – Па замялся. – Это... Что-то вроде... Нервного срыва. Знаешь, близнецы, они всегда очень странно реагировали, как все аутики... Одни словом, они чуть под грузовик не попали.

– Что с ними?! – почти крикнула Ма.

– Живы, – успокоил Па. – Но... Нервный срыв, одним словом. Что-то с восприятием цвета. Сразу у обоих.

– Как это?

– Они боятся черного. Черного, темно-синего, темно-красного. До обморока. Сама понимаешь, Поли и Ник теперь все в заботах. Ник и попросил ее взять на время. Мы вроде как ее единственные родственники. Хотя и дальние.

– Бедная девочка, – прошептала Ма.

– Да уж, – согласился Па.

– Лиз только не говори! – напомнила Ма. – Про Клару и про близнецов.

– Понимаю, – Па вздохнул. – С утра вот оформлял временные документы, по нотариусам болтался.

– А где она сейчас?

– В гостинице пока оставил, в городе. Сейчас поеду забирать. Скажу ей по пути, чтобы она тоже Лиз ничего не рассказывала.

– Как она? – спросила Ма.

– Бледная вся. Ник сказал, что она с близнецами очень дружила, все время с ними возилась.

Па докурил свою трубку и встал из кресла.

– Ну что, Айк, поедешь со мной?

Айк был готов ехать куда угодно, но Ма воспротивилась.

– Нечего его брать, – сказала она. – И так девочка натерпелась, а ты еще ее испугать хочешь этой мордой.

Айк разочарованно вздохнул.

– Ну, тогда один поеду.

И Па отправился в гараж. Ма достала свои сигареты и тайком закурила.

– А вы чего смотрите? – прикрикнула она на нас. – А ну, быстро в сад! Гулять! Лежат, подглядывают!

Мы с Айком отправились в сад. Айк сразу же завалился под свою яблоню и захрапел в тенечке. Я решил последовать его примеру и лег под яблоню с другой стороны. Сначала я никак не мог уснуть, потом меня разморило, к тому же храп Айка звучал усыпляюще, как шум дождя. Дождя бы сейчас... Наверное, если бы не поливалка, то земля бы потрескалась. Нет, такой жары я не припомню, дышать трудно...

Я уснул и увидел мир сквозь закрытые веки, мир был золотист и прекрасен.

Я проснулся оттого, что у ворот сигналил Па. Айк тоже проснулся, и мы побежали посмотреть, что случилось.

Машина Па стояла на улице, он сам стоял перед воротами и пытался открыть их вручную. Автоматика почему-то не сработала, и Па никак не мог сдвинуть решетку в сторону. Толкал, наваливался плечом, ногами упирался, покраснел весь.

И вдруг ворота сдвинулись сами и пребольно ударили Па по лбу. Он ойкнул и упал на асфальт. Ворота остановились, а потом стали двигаться вновь. Прямо на Па. А он сидел на асфальте, смотрел на ползущую к нему решетку и пытался закрыться от нее ладонью.

Тут откуда-то сбоку выскочил Айк, схватил Па за шиворот и оттащил в сторону. Рубашку, конечно, порвал. Ворота захлопнулись.

– Молодец, Айк. – Па трепал братца по загривку. – Выручил. Сегодня все пирожные тебе...

Айк лучился от счастья и радости служения. Однако... Иногда этот безмозглый удивляет, реакция-то отличная. Ладно.

Я вышел через калитку на улицу, приблизился к машине Па и заглянул внутрь.

На заднем сиденье автомобиля сидела девочка лет двенадцати. Или старше чуть, сложно было понять, лицо у нее...

Недетское какое-то, оно мне не понравилось. Она была худая и бледная, даже с какой-то синевой, кажется. Волосы белые. Девочка не обратила на меня никакого внимания, посмотрела сквозь. Я осторожно втянул воздух. То, что я услышал, поразило меня.

Девочка не пахла. Никак.

Глава 7

Ночь

Не помню, когда я начал ее опасаться. Может быть, с той первой встречи. С момента, когда я за две секунды перебрал почти миллион молекул запаха и не обнаружил ни одной, принадлежащей Розе. Она не пахла. Я ее не слышал.

Все существа пахнут. Лучше всего пахнут маленькие дети. Взрослые пахнут по-разному. Животные все пахнут приблизительно одинаково. Предметы тоже пахнут. Хуже всего пахнут насекомые. Если бы человек знал, как пахнет обычный комар, он сошел бы с ума. Роза не пахла никак.

Они прошли мимо меня.

– Будем рядом жить, – говорила Ли. – Это здорово!

Корица и яблоки.

– Здорово, – соглашалась Роза.

Пустота.

На всякий случай я послушал еще. Все правильно, Ли, как всегда, яблоки и корица. Роза ничего. И голос какой-то никакой.

Я долго сидел в саду и думал. И ничего не придумал. Мало ли чего не бывает?

На следующий день Ли и Роза отправились гулять в город. Па уехал на работу, Ма с соседкой – в спортклуб. Дома

остались я, Айк и Селедка. Селедка возилась на кухне. Айк общался с кроликами.

Я заглянул в холл. Постоял несколько секунд, послушал. Комнаты девочек располагались на втором этаже. Я быстро взбежал по лестнице. Бежал я правильно – по самому краю ступенек, чтобы не скрипели, чтобы Селедка меня не услышала.

Комната Ли была первой. Я ткнулся носом в ручку. Дверь открылась. Проскользнул внутрь.

Комната Ли ничуть не изменилась с того времени, как я был в ней последний раз. Позавчера. Бардак. На стенах плакаты каких-то певцов, на подоконнике фикус, который Ли упорно переделывает в бонсай. Все, как обычно. Корица и яблоки.

Вернулся в коридор, потянул зубами за ручку. Дверь закрылась. Следующая комната гостевая, теперь Розы. Толкнул дверь, вошел.

Ничего. Абсолютный порядок.

Я осмотрел комнату внимательнее. Порядок. Даже постель вроде бы не помята. Она что, стоя спала? Или не спала вовсе? Обошел комнату несколько раз – и ничего. Комната имела абсолютно нежилой вид. Хотя она недавно у нас... Меня несколько заинтересовало окно. Я специально приблизился и изучил подоконник. Окно недавно открывали. Под рамой была зажата ночная бабочка, она даже не успела высохнуть. Роза приехала вчера, до нее комната была закрыта,

значит, окно открыли сегодня ночью.

Не хотелось делать никаких выводов, вполне могло быть, что Роза просто любовалась ночным воздухом. Я вышел в коридор и спустился по лестнице.

В холле поджидала Селедка, собирала пыль с мебели, а на самом деле следила за мной.

– Чего по коридору шастаешь? – спросила она. – И так от вас шерсти по всему дому! Хоть шапки катай!

Я решил ее немного пугнуть, так, для порядку. Изобразить страшную собаку. Чтобы не очень Селедка из себя изображала. Пригнул голову к полу и двинулся на экономку. Как танк.

Селедка завизжала, запрыгнула на диван и стала отмахиваться щеткой. Я подержал ее на диване минуты три, а потом отпустил и отправился обдумывать свои дела. Не знаю почему, но вдруг захотелось этой ночью последить за комнатой Розы, посмотреть, как она спит.

Роза и Ли вернулись уже под вечер. За ужином Ли рассказала, что они заглянули в мороженицу и съели по три порции: шоколадного, ванильного и с карамелью. Вернее, это она съела, поскольку Роза ничего заказывать не стала.

– Я не люблю мороженое, – объяснила Роза. – Я вообще мало ем.

– И правильно делаешь, – сказала Ли. – А я вот люблю мороженое и уже в прошлогодние джинсы не влезаю.

Это Ли просто на комплимент напрашивалась. Она пре-

красно влезала даже в позапрошлогодние джинсы, но очень любила, чтобы ей это все говорили.

– В такую духотень только мороженое, – рассуждала Ли. – И купаться. Жаль, что в озере купаться запретили, палочку какую-то нашли.

После ужина они отправились в холл смотреть телевизор, Айк потащился за ними, Па и Ма удалились в спальню, я выбежал на улицу. Где-то часа два слонялся по саду, поглядел на кроликов, подышал воздухом. Потом в окнах на втором этаже зажегся свет, и я вернулся.

Сначала хотел устроиться на земле, прямо напротив комнаты Розы. Но потом выбрал еще более удачную позицию. Яблоня, под которой я устроил наблюдательный пункт, оказалась старой и ветвистой, я изловчился и взобрался на толстую ветку. С ветки открывался прекрасный вид на окна. Кстати, это большое предубеждение, что мы не умеем лазить по деревьям. Просто это у нас получается хуже, чем у кошек, и делаем мы это нечасто. Если дерево растет под наклоном, то залезть на него не очень сложно, надо просто верить в себя.

Роза и Ли не спали. Сначала они сидели у Ли и рассматривали какие-то журналы, затем Роза ушла к себе. Ли еще почитала немного и выключила свет. Спокойной ночи.

Роза спать не ложилась. Она сидела перед окном и смотрела в сад. Как кукла. Не двигаясь, не моргая, показалось, что даже не дыша.

А потом что-то случилось с моими глазами, будто попало в них что-то, я моргнул, а когда разжмурился, обнаружил, что Роза исчезла.

Я огляделся. Розы не было нигде в пределах моей видимости. Она исчезла, растворилась в ночной тишине.

Тогда я посмотрел вниз.

Она стояла прямо подо мной и тоже смотрела.

Я слышал про такую штуку, но встречаться с ней не приходилось никогда. Некоторые умеют как бы наводить затмение на глаз наблюдателя. Вот только что вы их видите, а потом бац — и их нет, а они уже рядом, как будто мгновенно переместились. Я слышал, что такую способность можно у себя развить, но никогда не встречал никого, кто этим искусством обладал.

Роза, видимо, была первой.

Стояла и смотрела. Затем положила руку на ствол дерева, и я увидел, как странно шевелятся на яблоневоm стволе ее пальцы. Они двигались как бы самостоятельно от руки, как короткие подвижные щупальца, хотели оторваться от ладони и подняться по шершавой яблоневоy коре ко мне... Я закрыл глаза и быстро их открыл. Пальцы как пальцы. Привиделось. Привиделось, может быть...

Я все-таки собака. И в глубине моего собачьего существа зашевелился косматый древний страх, вошедший в мозг и кости моих предков еще со времен первобытных костров. Страх ночи, страх забытых ныне тварей, прячущихся за кру-

гом света и терпеливо ждущих своего часа. Ждущих, когда человек у костра уснет, ждущих, когда один из нас отвлечется на секунду и не услышит мягких тяжелых шагов.

Ждущих часа своей охоты.

Это не поддается контролю разума. Покажите кобру в стойке перед броском самой умной собаке из всего собачьего племени, и она не выдержит и залает, и бросится удирать, как удирает глупый щенок при первых звуках газонокосилки.

Я тоже не выдержал. Я зарычал.

Роза положила на яблоню вторую руку. Зрачки ее резко сузились и превратились в длинные щелочки, а может, это снова мне показалось...

Меня ударило. Запах, тот самый запах, вонь мертвечины ударила меня снизу и сбила дыхание. Я попятился вверх по ветке. Откуда? Откуда этот запах, она ведь не пахла. Она вообще не пахла, а теперь вот...

И вдруг она убрала руки с дерева. Она опустила голову. Казалось, она прислушивается. Я тоже послушал ушами, но ничего, кроме ночной возни на пристани. Ночь как ночь.

Роза развернулась и двинулась в сторону изгороди. Я остался один.

Я не слезал с дерева до тех пор, пока ноги мои не одеревенели и не задрожали. Тогда я осторожно спустился.

Казалось, сад был насквозь пропитан этим запахом, он стекал с каждого дерева, с каждой травинки. Голова у меня

кружилась, меня затошнило, я не выдержал и побежал домой.

Всю ночь я провел на кухне. Как Роза вернулась домой, я не слышал.

И еще. Там я не понял, понял только потом на кухне. И это испугало меня еще больше. Я вдруг увидел, что она похожа на Ли. Очень.

А вчера она похожа совсем не была.

Глава 8

Прятки

Мне это до сих пор снится. И будет сниться всю оставшуюся жизнь.

Подо мной старая затхлая земля, над головой доски с занозами. Сквозь щели просачивается пыльный солнечный свет. Лучи падают почему-то под разными углами, образуют причудливую многоугольную сетку. Пахнет ветошью и старыми грибами. Я слушаю.

Шаги. Медленные, тяжелые шаги над головой. От каждого шага доски прогибаются и осыпают на голову какой-то мерзкий прах, комковатую пыль, тараканьи лапы. Шаги направляются ко мне. Шерсть на загривке поднимается дыбом, лапы начинают дрожать. Шаги останавливаются над головой. Я уже не дышу.

Голос.

– Вы проиграли.

Смех.

– Вы проиграли.

Смех становится ближе, солнечные лучи гаснут один за другим, сквозь щели наваливается мясной гниющий смрад...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.